

тическое целое на фоне окружающего мира, на фоне истории Европы, Передней, Восточной и даже Северной Азии, в качестве активного участника больших культурных, этнических и политических событий прошлого Старого Света — этой основной арены человеческой истории. Восстановить это забытое прошлое Хорезма было нелегко. Многолюдные когда-то города древнего Хорезма веками лежали в развалинах; пески пустыни заносили его поля и деревни. И, наконец, как писал Бируни, арабский полководец Кутейба варварски «рассеял и уничтожил всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, кто были среди них, так что покрылось все это мраком...»

Много труда и творческого вдохновения понадобилось для того, чтобы восстановить те «истинные знания» о прошлом Хорезма, об утрате которых в результате арабского погрома Средней Азии скорбел Бируни. Эти данные, мастерски сведенные в большом историческом полотне, теперь восстановлены на основе марксистско-ленинского исторического метода.

Конечно, в фундаментальном труде С. П. Толстова есть отдельные спорные или малоразработанные проблемы. Укажу, например, хотя бы на следующие темы: о длительности патриархально-родового этапа в истории первобытного общества, о соотношении отцовского рода и большой патриархальной семьи в различных конкретных условиях; о происхождении дуалистической космогонии и дуалистических мифов только в качестве отражения дуальной организации или — на более широкой основе — о действительном своеобразии и о так называемой «диффузности» первобытного мышления; о деталях намечаемой С. П. Толстовым картины широких культурно-этнических связей в каменном веке («индо-угорская общность»); об отношении носителей кельтеминарской культуры к неолитическим племенам Восточной Сибири.

Оставляя в стороне такие вопросы, которые должны явиться предметом особых дискуссий и детальных исследований, следует в заключение остановиться еще на одном обстоятельстве.

Книга С. П. Толстова — не обычная ученая книга и по своему языку, и по характеру изложения. Автор ее умело сочетал в ней с глубиной содержания и ученостью черты превосходного литературного произведения. Книга соединяет строгую и точную аналитическую методику археологического и историко-филологического анализа с творческим воображением и романтическим накалом чувств.

Что же касается места «Древнего Хорезма» в ряду сочинений, посвященных прошлому Средней Азии, то первое, что вспоминается здесь, — известное произведение В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Как известно, «Туркестан» Бартольда не только осветил целую забытую эпоху в истории Средней Азии, но и произвел переворот в ее историографии, обозначив в ней определенный переломный этап. Классические работы Бартольда явились кульминационным пунктом русского дореволюционного востоковедения в этой области, высшим его достижением. Точно так же и «Древний Хорезм» Толстова впервые делает достоянием науки определенное время в прошлом Средней Азии, открывает во всей их глубине и широте первобытно-общинный и особенно античный этапы этой истории, т. е. то самое время, которое осталось за пределами труда Бартольда.

«Древний Хорезм» точно так же подводит итог огромной работе, проделанной русским востоковедением по истории Средней Азии на определенном этапе его развития.

Если работы Бартольда явились в полном смысле слова последним монументальным достижением русского буржуазного востоковедения, то труд С. П. Толстова подводит итоги начальному этапу в истории изучения прошлого Средней Азии советскими исследователями.

В каждой его главе чувствуется неуемное стремление вперед, столь характерное для советской науки в целом.

Труд С. П. Толстова является доказательством того, какие необъятные перспективы открывает перед ученым марксистский метод исследования.

«Древний Хорезм» С. П. Толстова является поэтому вместе с тем началом нового творческого этапа в изучении прошлого Средней Азии, результаты которого, несомненно, будут еще более значительны и явятся дальнейшим фундаментальным вкладом в советскую науку.

А. П. Окладников

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Не только интерес к русской литературе, но и интерес к русскому фольклору имеет в Чехословакии давнюю и прочную традицию. Он восходит к началу XIX в., когда повышенное внимание к русской культуре и, в частности, русской народной поэзии было тесно связано с ростом национального самосознания, с развитием чехословацкой культуры в условиях национального гнета. Обращение к фольклору вообще приобрело в чешской литературе первой половины XIX в., в период «национального возрождения», исключительные размеры. Высшие слои общества были онемечены, и именно трудовой народ хранил богатства языка и самобытной культуры. Только опираясь на народную поэзию, свою и других славянских народов, в пер-

вую очередь русского народа, чешские писатели и поэты смогли создать богатую, подлинно национальную литературу. Конечно, русский фольклор, как и чешская народная поэзия, по-разному использовался и интерпретировался различными поэтами и писателями в зависимости от их мировоззрения, от направленности их творчества. Данный вопрос может быть освещен лишь в специальном исследовании. Но известно, что Вацлав Гайка, Франтишек Ладислав Челаковский, Ярослав Лангер, Карел Яромир Эрбен, Карел Гавличек-Боровский и др. не только переводили произведения русской народной поэзии, но и широко использовали в своем творчестве темы, образы и изобразительные средства русского фольклора. Первые переводы русских народных песен на чешский язык появились еще в 10-х годах XIX в. Русские и украинские народные песни составляют значительную часть каждого из трех томов «Славянских народных песен» Челаковского (изданы в 1822—1827 гг.), где песенные тексты приведены в оригиналах и переводах на чешский язык. В 1829 г. Челаковский издает цикл стихотворений на мотивы русской народной поэзии — «Эхо русских песен». Основу цикла составляют стихотворения героической тематики: «Богатырь Муромец», «Чурила Пленкович», «Илья Волжанин» и др.

Во второй половине XIX в. к русскому фольклору обращались чехословацкие поэты Юлиус Зайер, Франтишек Халупа, Сватоплук Чех, Франтишек Квипил.

Темы и сюжеты русского героического эпоса вдохновляли крупнейшего чешского художника Миколаша Алеша, иллюстратора цикла «Эхо русских песен» Челаковского.

Интерес к русскому фольклору, как и ко всей русской культуре, с особой силой вспыхнул в чехословацком народе, когда героическая Советская Армия освободила Чехословакию от фашистских захватчиков. Широкое распространение получили советские народные песни. Их поют по-русски и по-чешски. Многие песни, несомненно, были переняты изустным путем от бойцов Советской Армии, освобождавших Чехословакию. Среди партизан боевые русские песни бытовали и до прихода Советской Армии. Русские революционные песни были известны в передовых кругах чехословацкого общества и до войны. Национальный герой Чехословакии Юлиус Фучик в «Репортаже с петлей на шее», созданном в фашистском застенке, пишет, вспоминая жену Густину: «Каждый вечер я пою ее любимые песни: о степном ковыле, что шумит, о славных партизанских боях, о казачке, которая вместе с мужем билась за свободу, о ее храбрости, о том, как в последнем бою ей подняться с земли не пришлось»¹.

С русскими революционными песнями на устах боролись в условиях кровавого гитлеровского террора, шли на пытки в фашистских застенках чехословацкие коммунисты.

1 Мая 1943 г. отмечено в «Репортаже с петлей на шее» Юлиуса Фучика такой записью:

«Девять часов. Сейчас часы на Кремлевской башне бьют десять, и на Красной площади начинается парад. Отец, мы с вами! Там сейчас поют «Интернационал», он раздается во всем мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поем. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одинокими, да мы и не одиноки, мы вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, с теми, кто ведет бой, как и мы...

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах...

Да, мы с вами». Текст песни написан Фучиком по-русски.

Пишущему эти строки довелось в 1946 г. быть свидетелем необыкновенной популярности среди чехов и словаков советских песен, так же как и традиционных русских народных песен. Много раз в различных городах и селах Чехословакии приходилось слышать в исполнении чешской молодежи «Песню о родине», «По долинам и по взгорьям», «Москва Первомайская», «Полюшко-поле», «Я не мало по свету хаживал», «Под звездами балканскими», «Вася-Василек», «Калинка-малинка», «Песню о Стеньке Разине» («Из-за острова на стрежень») и многие другие.

В советской печати сообщалось об исключительном успехе выступлений в Чехословакии ансамбля красноармейской песни и пляски им. Александра, русского народного хора им. Свешникова, народного хора им. Пятницкого. В ряде городов, в том числе в Злине (ныне Готвальдов) — центре обувной промышленности, выступления пришлось организовывать на площади, так как желающих присутствовать оказалось так много, что их не мог вместить ни один зал.

Удовлетворяя спрос населения, Чехословацкие издательства издают советские и старинные русские народные песни в оригинале и в чешских переводах с приложением нот. С 1946 г. издается серия «Песни СССР». В нее вошли: «Москва Первомайская», «Катюша», «Песня о родине», «Самовары-самопалы», «Темная ночь», «Песня

¹ Юлиус Фучик, Слово перед казнью, Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, М., 1947, стр. 33.

молодых казаков», «Вечер на рейде», «Священная война», «Песня о Днепре», «До свиданья, города и хаты», «На солнечной поляночке», «Нам песня строить и жить помогает», «Копав, копав криниченку» и многие другие. Чешский перевод большинства песен сделан Йозефом Урбаном. Многие песни этой серии неоднократно переиздавались и переиздаются как отдельными выпусками, так и в сборниках². Большое количество песен вышло и в других изданиях. Йозеф Урбан составил и издал сборник «Песни русской революции»³. В 1946 г. в издательстве «Праге» вышел сборник «Песни советского народа»⁴. В 1947 г. — сборник «Песни Советской Армии»⁵.

Учесть многочисленные отдельные публикации советских песен почти невозможно. Нередко советские песни встречаются на страницах газет. Так, только за первые пять месяцев 1949 г. в газете «Лидовые новости» (орган союза чехословацких писателей) опубликованы в чешских переводах «Партизан Железняк», «Марш демократической молодежи», «Песня мира», в разделе для детей — отрывок армянской народной песни о В. И. Ленине⁶.

Советские песни, отражающие жизнь и чувства многомиллионного советского народа, любовь советских людей к своей социалистической родине, великому Сталину, победоносной Советской Армии, дороги чехословацкому народу, строящему социализм, своим социалистическим революционным содержанием.

Величайший интерес вызывает у чехов и словаков произведения, воспевающие героизм и силу русского народа, свидетельствующие о древности и самобытности русской культуры. Это относится не только к фольклорным жанрам, но и к русским литературно-историческим памятникам. В роскошном оформлении вышло в Праге «Слово о полку Игореве»⁷. Издание посвящено героической Советской Армии. «Слово о полку Игореве» издано и в словацком переводе⁸. Вышел перевод «Задонщины» Яна Фрчка⁹. Из русских фольклорных произведений героического характера были изданы русские былины в новом переводе Петра Кржижички¹⁰. В переводе д-ра Вашицы вышла «Сказка о Еруслане Лазаревиче». Книга выпущена «в память о героических боях славной Советской Армии за свободу Чехословакии». В серии «Библиотеки русского чтения для молодежи» десятый выпуск посвящен «Илье Муромцу»¹¹.

Переводятся на чешский язык и произведения советских сказителей о героях гражданской войны. В январских и февральских номерах газеты «Лидовые новости» за 1949 год опубликованы в переводе Елены Голечковой «Смерть Чапая», Марфы Крюковой — отрывок из новины и новина той же сказительницы «Чапай»¹². Текст сопровождается изображением Чапаева скачущим на боевом коне с поднятой в правой руке шашкой, в лучах восходящего солнца. В новине ярко показано, чьи социальные интересы защищал Чапаев.

Об огромном внимании в Чехословакии к русскому фольклору свидетельствует и неоднократное переиздание за последние три — четыре года цикла «Эхо русских песен»¹³ Челаковского. Переиздано также его собрание «Славянских народных песен»¹⁴. Необходимо указать и на многочисленные издания чешских и словацких переводов русских народных сказок, а также их литературных обработок. Недавно в стихотворном переводе издан «Конек-Горбунок» Ершова¹⁵.

Наконец, как положительный факт следует отметить, что переводы не ограничиваются русским и украинским фольклором. Переводятся фольклорные произведения и других братских народов, входящих в социалистическую семью народов Советского Союза. Так, в 1945 г. в Праге изданы «Казахстанские сказки»¹⁶ (в переводе с русского д-ра Йозефа Вашицы). Переведена монография Эффенди Капиева «Поэт» о народном певце Дагестана — Сулеймане Стальском.

Приведенный перечень важнейших чехословацких переводов произведений русского народного творчества ярко свидетельствует о характере интереса к русскому

² Písň SSSR, sv. I, sv. 2, sv. 3, Praha, 1948.

³ Písň ruské revoluce. Písňi ruskoj revoluciji. Vybral a sestavil Jos. Urban, Praha, Svoboda, 1946.

⁴ Písň sovětského lidu. Praha, Práce, 1946.

⁵ S. P. Orl'ov, Písň Rudé Armády. Praha, Práce, 1947.

⁶ Lidové noviny, соответственно от 10 února, 28 dubna, 26 dubna и 17 dubna 1949 г.

⁷ Slovo o pluku Igorově. Věnovano Rudé Armádě osvoboditelce. Přeložil Fr. Koubka, Praha, 1946.

⁸ Slovo o pluku Ygorovom, Bratislava, 1947.

⁹ J. a. n. Frček Zádonsťina. Staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literární dějepisná. Kritické vydání textu, Praha, Orbis, 1948.

¹⁰ Byliny. Přeložil Petr Křička, Praha, Sfinx, 1946.

¹¹ Iľja Muromec. Knihovna ruské četby pro mládež. Sv. 10. Zlín, 1946.

¹² Lidové noviny. 6 února и 23 ledna 1949.

¹³ С.м., например. Fr. L. Čelakovský. Ohlas písní ruských. Ohlas písní českých. Kritické vydání, přípr. Karel Dvořák. Praha, Orbis, 1949.

¹⁴ Fr. L. Čelakovský, Slovanské národní písně. Kritické vydání, Praha, 1946.

¹⁵ P. P. Jeršov, Koník-Hrbaček, přeložila z ruštiny M. Marčanová, vyd. D. P., Praha, 1948.

¹⁶ Pohádky z Kazakstanu, přeložil z ruštiny J. Vašica, Praha, 1945.

фольклору в Чехословакии. Наибольшим вниманием и любовью пользуются советские песни, в которых отражена социалистическая идеология, социалистическая мораль, патриотические чувства советского человека. Особенно популярны песни Советской Армии. В свете героических побед Советской Армии воспринимается и русский героический эпос. Подвиги советских бойцов ассоциируются у чехов и словаков с деяниями былинных богатырей, хорошо известных чешскому читателю еще с прошлого века. Это находит отражение не только в художественной литературе, о чем ниже, но и в позднейшей печати. В газетном очерке Иржи Вальи «Освобождение и освободители» («Лидове новины», 9 мая 1948 г.) читаем:

«Русские в Праге! — неслось рано утром три года тому назад из уст в уста с такой быстротой, что радио и все остальные средства оповещения казались устаревшим излишеством. То сама победная сила мечты рвалась через горы и доли, из квартала в квартал, из улицы в улицу со скоростью света. Да это и был свет.

Мы застыли в изумлении, когда увидели их, богатырей рода Муромцева (разрядка везде моя.— С. Н.). Какие ребята. Кровь с молоком, стройные, обветренные, ребята, как горы, и на самом деле из стали. Со своими танками они как будто составляли единое целое — сказочные существа»¹⁷.

В небольшой заметке той же газеты от 7 мая 1949 г. описывается встреча советских войск в небольшой чешской деревушке: «С востока, куда убегает Кашпарский лес, по полю, поднимающемуся вверх к перекрестку и мельнице, ехал Илья Муромец, на белом коне, с пулеметным поясом через плечо, с пилоткой на затылке... Это был первый русский боец. Мы смотрели на него с бьющимся сердцем»¹⁸.

В следующем номере той же газеты очерк Фр. Коубки «Алеша и девочка»¹⁹ построен на сравнении бойца Алешы с богатырем. И опять «богатырь Алеша» употребляется автором в обобщающем смысле, в применении ко всем советским бойцам.

Русский фольклор нашел отражение в произведениях чешских поэтов, посвященных героическим победам Советской Армии. Особенно интересно в этом отношении творчество Владимира Голана и Петра Кржички.

Уже через несколько дней после освобождения Праги Советской Армией, в мае 1945 г., вышла отдельным изданием поэма Вл. Голана «Благодарение Советскому Союзу»²⁰. Герой поэмы Голана — русский народ и победоносная Советская Армия — армия освободительница.

Говоря о невыразимости охватившего его чувства и об ответственности творческой задачи, Голан заявляет в начале своей поэмы, что поэзия, достойная славить Советскую Армию, должна стоять на уровне народной эпической поэзии, отражающей величайшие исторические события:

Славить тебя (Советскую Армию.— С. Н.) — значит овладеть речью...
Переходящей в эпос, речью, отрясающей со стихов росу
В уста, которыми пьет миф²¹.

Изображая героизм советского народа, Голан обращается к материалу русского былинного эпоса. Оружие Советской Армии сравнивается им с «мечом-кладенцем»,

Богатырский свист которого
Услышал когда-то совсем по-новому
Мамай на Куликовом поле,
Где поют чистые волны Дона и Днепра.

В другом месте поэт восклицает:

Пришли сюда (в Прагу.— С. Н.) те,
В кого наше племя верило еще в седой древности,
Пришел добрый молодец Алеша (т. е. излюбленный герой художника Алеша, изображавшего русских богатырей.— С. Н.)
И вековая страстная мечта
О братском единении
Осуществилась.

Не менее показателен сборник стихов Вл. Голана «Красноармейцы»²² (1947 г.). Цикл состоит из стихотворных зарисовок русских бойцов, с которыми поэту довелось встречаться за время пребывания советских войск в Чехословакии. Очень часто сравнения, образные детали заимствуются Голаном из русской народной героической поэзии. Образ рядового русского бойца постоянно ассоциируется у Голана с богатырем:

¹⁷ Lidové noviny, 1948, 9 května.

¹⁸ Там же, 1949, 7 května.

¹⁹ Там же, 1949, 8 května.

²⁰ V. Holan, Dík Sovětskému Svázu, Praha, 1945.

²¹ За неимением поэтического перевода стихи Голана даются в подстрочном переводе.

²² Его же, Rudarmějci, Praha, 1947.

Когда он сходил с коня, то приносил детям осинные гнезда,
Бабочек... И, видя их радость,
Смеялся, как богатырь, так что немного их даже пугал...

Или о другом бойце:

Он волков убивал ударом руки,
Грозовые тучи разгонял своим голосом.
А о силе его красивого взгляда... и т. д.

Или прямое сравнение:

Это был богатырь из былинных преданий,
Если он хотел, мог сдвинуть целый воз,
Унести ведро пива одним пальцем...

Число примеров могло бы быть увеличено.

Несомненно, актуальная тематика и обращение к народному творчеству способствуют росту Голана, поэзия которого раньше несколько страдала субъективизмом и формалистическими увлечениями. Это порой чувствуется еще и в последних его произведениях.

В 1946 г. в Праге вышла книжка Петра Кржижки «Песня меча»²³. Петр Кржижка — известный чешский поэт, переводчик русских былин, стихотворений Пушкина, Тютчева и других русских поэтов. Цикл «Песня меча», посвященный «светлой памяти Франтишка Ладислава Челаковского», полностью создан на материале народной поэзии, русской и южных славян. Основную часть цикла составляют стихотворения былинного характера о героическом советском народе и его славной армии. Первое стихотворение — «Немцы под Москвой». Не черный ворон вылетает из лесу — фашистский всадник передает письмо советским воинам, в котором «пес Гитлер» похваляется, что вскоре займет Москву, что его генералы и эсэсовцы наедятся вдоволь русских блинов, разобьют бочки с зернистой икрой и напьются русской водки и «славных крымских вин». Сам он, Гитлер, в «златоглавом Кремле каменном» будет чувствовать себя русским царем:

Я воссяду на этот пышный трон
На голову надену золотую корону,
Через грудь перевию цепь золотую царскую,
Потрясать буду в руке золотым жезлом...

Автор имеет в виду похвальбу Гитлера в сорок первом году о скором взятии Москвы и о предстоящем въезде его в советскую столицу «на белом коне». Вторая половина стихотворения — спокойный ответ Гитлеру «Отца-Маршала и всей нашей храброй, Советской Армии»:

Приготовили мы, — в письме сказано, —
Гранатометчикам твоим и войскам любого оружия
Безопасный кров, квартиры добротные.
Не на шутку подул ветер северный,
Вы же в них хорошо укрыты будете.
Тесноваты чуть-чуть, но зато их достаточно.
А будет, бог даст, и много больше еще.
Уж теперь изрыта сырая земля,
Уж теперь холодных могил не сочтешь.
Угощений горячих вдоволь для вас,
Ой, шрапнели, и пуль, и гранат, и бомб,
Угостить вас ими щедро намерены.
Сколько душе угодно запивать их можете
В новых хатах своих снегом тающим.
Прогостите вы нас, в хлебосольной Руси,
Дорогие гости, время долгое, —
Пока кости ваши в прах не рассыплются

Для Гитлера же, «пса кровавого», приготовлен «высокий престол»

Не из дуба белого да моржовых клыков,
А из двух осин с перекадиной.
Царской цепи нет в Кремле каменном, —
Есть веревка взамен пеньковая.

Второе стихотворение цикла — об украинской девушке-партизанке Ганне Григоренко. До войны она жила счастливой, беззаботной жизнью в кругу подруг:

²³ Petr Kržížka, Píseň meče, Praha, 1946.

Запоет — в лесу соловей умолк,
Затанцует — рой светлячков затих.

«Эсэсовцы-бандиты» сожгли деревню, убили отца и мать, издевались над «Ганной-зорянкой». Девушка уходит в партизаны. Стихотворение выдержано в духе народных песен. Характерно обращение к «батюшке, светлому месяцу», просьба, чтобы он укрылся в облаках, когда Ганна со связкой гранат в руках на станции у Почаева должна будет проскользнуть мимо часовых к фашистскому эшелону с вооружением.

Следующее стихотворение «Пир» — пирование русских рек у морского царя, чествование Волги-матушки, которая у Сталинграда

Грудью в грудь встретила дракона лютого,
Задушила его двенадцать голов.
Накормила, напсила храбрых (русских.— С. Н.) воинов,
Вдохнула героизмом и отвагою,
Благословение им дала великое,
Чтоб, поднявши родную дубину-дубинушку,
Гнали эти орды свирепые,
Гнали, били дубьем окрсавленным,
Выбили из священной земли русской.

Завершает первую часть сборника стихотворение «Оратай-богатырь», также стилизованное под былинку. Поэт очень удачно избрал героем, символизирующим миролюбивый советский народ, Микулу-труженика, который всецело занят мирным созидательным трудом, но при нападении врага не дает спуска:

Скоком очутился посреди врагов;
Как на стаю дерзких воронов налетает сокол, птица ясная,
Так бросается на захватчиков Оратай-богатырь,
Начал добрый молодец дубинушкой размахивать,
Начал вязовой врага рубить, колоть,
Размахалась его правая рученька,
Закачалась мать-сыра земля.
Смотрит их (вражеский.— С. Н.) генерал с горы крутой,
Волос рвет на себе, гонит войско назад бегущее,
Но и сам поскорей на коня верхом
С нашей Руси-матушки на утек давай,
Клянет, проклинает, клятву дает:
«Сохрани нас, дьявол, вновь на Русь итти,
Нас, детей и внуков наших».

Несмотря на традиционную условность ряда образных деталей (пахарь с кленовой сошкой, дубина в качестве оружия и т. п.), — условность, ибо советский народ победил также и превосходством боевой техники, — в стихотворении верно дана аллегория Отечественной войны — освободительной войны миролюбивого трудового советского народа против вероломного агрессора.

Заступился русский пахарь за свою землю-матушку.
Раздавил голову змею, чудовищу поганому,
И чиста от врагов лютых наша святая Русь.
За то будем ему вечно славу петь
И хвалу воздавать во веки веков.

Остальные произведения, вошедшие в сборник, также написаны в духе славянского народного творчества. Одно из них — «Пастух Петко» — прекрасная поэма в стиле гайдуцких песен о партизанской борьбе с фашистами у южных славян. Следует отметить, что Кржичка не просто контаминирует изобразительные приемы народной эпической поэзии, а органически синтезирует их, создавая оригинальные художественные произведения. В сборник Кржички «Песня меча» вошли также вольные переложения трех песен из книги «La Guzla» Проспера Мериме. Две из них — «Конь» и «Гайдук Хризич» поэтически переложил в свое время А. С. Пушкин. Кржичка сохранил пушкинский размер.

Интересно, что отношение чехов и словаков к Пушкину показательно также и для их отношения к русскому народному творчеству. Среди целого ряда чехословацких изданий пушкинских произведений отдельно изданы несколько раз и на чешском и на словацком языках различные сказки Пушкина, ряд из них — в новых переводах. Еще в начале XIX в. чехи и словаки оценили Пушкина как величайшего народного поэта. Челаковский в одном из своих стихотворений указывал, что великих русских поэтов выращают не «французские гувернеры», а «мамки из народа». Юлиус Фучик в статье о чешском поэте Зайере²⁴, написанной в подполье в период гитлеровской оккупации Чехословакии, первые страницы посвящает Пуш-

²⁴ Jul. Fučík, Tři studie, Praha, 1947, статья Čhuva.

кину и Арине Родионовне. В статье проводится мысль о том, что даже такие далекие от народа поэты, как Зайер, всем ценным в своем творчестве обязан народу. Народ — «мамка» поэта. Статья не случайно называется «Няня».

Такова в общих чертах картина интереса к русскому народному творчеству в современной Чехословакии. Следует добавить, что издания русских народных произведений рецензируются как в научной чехословацкой печати, так и в газетах. Однако, если совершенно ясны направленность и характер интереса к русскому фольклору среди населения Чехословакии, то рецензии не всегда подчеркивают или же подчеркивают в недостаточной степени социальное звучание народных поэтических произведений, особенно старых. А это безусловно необходимо в условиях строительства подлинно народной социалистической культуры. Задача советских специалистов различных областей фольклористики помочь в этом отношении чехословацким фольклористам своими рецензиями, замечаниями, советами.

С. Никольский

ДУМЫ И ЧАЯНИЯ ПРОСТОГО АФРИКАНЦА

(Eslanda Goode Robeson. *African journey*. The John Day Company New York, 1945, 154 стр. 64 фотоиллюстраций.)

Автор книги Эсленд Робсон, жена известного борца за мир и демократию, певца Поля Робсона, в компании со своим сыном совершила поездку по Африке. Она проехала через Южно-Африканский Союз, объехала всю Уганду и заглянула в Бельгийское Конго. На длинном пути она много видела и слышала, она встречалась с представителями всех слоев туземного населения — от пастуха до феодального владыки — мукама Торо и министров кабаки Буганды. Прекрасный наблюдатель, она фиксировала и мелочи быта и отвратительные черты колониального режима, уходящее из жизни старое и неотвратимую поступь нового. Ее симпатии на стороне порабоженного народа, ей больно видеть страдания народа, ее радует рост сил сопротивления империализму.

Книга представляет огромный интерес для этнографа, особенно та ее часть, которая посвящена Уганде. Этнограф найдет здесь сельскохозяйственный календарь, перечень земледельческих культур и описание полевых работ, сведения о породах скота и об уходе за скотом, устройстве жилищ, их внутренней планировке и обстановке, одежде и украшениях, семейном быте и пр.

С большой любовью описаны прекрасные образцы народного творчества в области материальной культуры. Но не материальная культура интересует автора книги в первую очередь. Ее интересуют живые люди, их настроения, их чаяния и думы. В этом основная ценность книги.

Вот перед нами представители эксплуататорской, аристократической верхушки туземного общества — мукама Торо, премьер-министр правительства муджабе Анколе, министр юстиции правительства кабаки Буганды и т. п.

Торо до конца прошлого столетия было хотя и миниатюрным, но независимым государством. Сейчас Торо является одной из трех областей Западной провинции английской колонии Уганда. Мы не знаем численности населения Торо; населения всей Западной провинции перед второй мировой войной насчитывалось около 600 тыс. человек. Английская колониальная администрация сохранила власть мукам Торо, поставив его под свой контроль, превратив его в послушного чиновника.

Нынешний мукама Амоти Камрази Рукиди учился в специальной школе для детей туземной аристократии в Уганде, затем 18 месяцев жил в Англии, служил лейтенантом в отряде Африканских королевских стрелков и, наконец, был «коронован» английским губернатором на престол Торо. Это довольно образованный и очень богатый человек. В Кабароле на высоком холме, господствующем над прилегающей местностью, окруженный высокой камышовой изгородью стоит его дворец, в два этажа с большой верандой на уровне второго этажа. На фотографии показаны богато отделанный трон, покрытый тигровой шкурой, и мукама в роскошной парадной одежде. В обычное время он, как и его жена, ходит в европейском костюме. У него есть свой автомобиль, большой штат прислуги.

Рядом с Торо расположено другое такое же «государство» — Анколе (административный центр Мбарара). Глава Анколе носит титул муджабе. Очень старый человек, он по болезни не мог принять американских гостей; они были приняты его премьер-министром. Это — очень толстый мужчина, в ослепительно белых одеждах, с мягкой фетровой шляпой на голове. По своей комплекции и другим антропологическим признакам он совсем не похож на тех «хамитов», к которым буржуазная этнография причисляет всю правящую верхушку Междозерья: «высокий, худощавый, стройный народ с тонкими губами, высокой переносицей и рыжеватой-коричневой кожей». Эсленд Робсон отказывается принять деление населения Междозерья на господствующую расу «хамитов» и подчиненную им расу «негров».

Премьер-министр Анколе очень богат. «Мы видели его великолепные стада...одно стадо вправо от дороги, и другое, исключительное по своим размерам, влево от дороги; последнее было в движении, и все, что мы могли видеть, — это движущаяся темная масса и большое море рогов», — пишет Робсон.